

КУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА РУССКОЙ ВЛАСТИ
(ДУХОВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ)

В. Н. Первушина, Л. М. Савушкин

Государственный университет правосудия,
Центральный филиал

С. Н. Хуторной

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 30 ноября 2018 г.

Аннотация: в статье анализируются духовно-идеологические основания русской власти, отмечаются ее особые черты. Специфика русской власти рассматривается через концепт «самодержавно-либеральная идеология».

Ключевые слова: власть, русская культура, самодержавие, национальная идеология.

Abstract: the article is dealt with the spiritual-ideological foundations of Russian power; its special features are analyzed. The peculiarity of Russian power is regarded with the help of the concept «autocrat-liberal ideology».

Key words: power, Russian culture, autocracy, national ideology.

Обычно в зарубежной литературе [1, с. 36] принято искать истоки тоталитаризма в России в самой природе ее власти. На наш взгляд, более корректной является постановка вопроса об особом типе власти, присутствующем Российскому государству. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить в первую очередь духовные базисные составляющие русской культуры, приведшие к формированию этого *особого типа русской власти*.

Обратимся к духовным истокам русской культуры. Известно, что в основе ее становления, национальном мировосприятии и самосознании особая роль принадлежит Византии, и прежде всего духовной практике исихастов [2]. Но Россия не всё заимствовала автоматически. Так, произошел отказ от юстиции римско-византийского толка, так как в ней нарушалась русская традиция: брать с обидчика деньги, да и грех казнить «врагов государевых» [3, с. 211].

Другой особенностью русской культуры явилось принятие и понимание христианства с его универсализмом буквально. Это нашло отражение в понятии «Святая Русь», космической категории, «вмещающей и ветхозаветный Эдем и евангельскую Палестину». С. Аверинцев обратил внимание на то, что понятие «Святая Русь» не локализовано в пространстве и отличается только двумя признаками: быть всем миром, вмещающим даже рай, и быть миром под знаком истинной веры [там же, с. 216–217].

Понятие «Святая Русь» по существу есть соборный образ святости. В. Н. Топоров отмечает гиперсакральность древнерусской традиции: 1) всё должно быть в принципе сакрализовано, вырвано из-под власти злого начала и – примириться с меньшим нельзя – возвращено к исходному состоянию целостности, нетронутости, чистоты; 2) существует единая и универсальная цель («сверхцель»), самое заветное желание и самая сокровенная мечта-надежда – «святое царство»; 3) сильно и актуально упование на то, что святое состояние может быть предельно приближено в пространстве и во времени к здесь и сейчас (литургия уже есть образ этого состояния, отсюда стремление продлить литургическое время, с одной стороны, и невнимание к профаническому – с другой [4, с. 8–9].

В «Слове о Законе и Благодати» Илларион пишет о двух эпохах исторического развития – эпохе Закона и Благодати. Последняя характеризуется нравственной ответственностью личности, равенством всех народов перед Богом. Поэтому понятие «Святая Русь» – понятие сверх-этническое. Романско-московская государственность открыта для тех, кто принимает ее веру. Н. Бердяев отмечал, что в русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам; он выделял «сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа». Россия призвана быть освободительницей народов [5, с. 13–14].

Закон и Благодать – это единое и общее пространство, но фиксирующее разное отношение к пространству и времени. В пространстве Благодати актуализируется бесконечность, она не имеет предела. Пространство закона ограничено во времени и пространстве. Для Христа и его дела закон не нужен. Спасение через закон невозможно! Религия закона разделяет людей на чистых и нечистых в силу соблюдения внешних норм (фарисеи и книжники). Существует иное поклонение Отцу в духе, и истина – это свобода бесконечного. Обратной стороной такого *универсализма явилось «слабое развитие мотива природной связи между этносом и государством»* [4, с. 306, 438]. Сначала мы – христиане, а потом – русские.

Идея святости в русском варианте порождает пренебрежение сим миром и упование исключительно на иное царство, отказ от конструктивной действительности и веру в спасение на пассивных путях и вышедший из-под контроля максимализм, привязанность к крайностям (спасение через грех), снимаемый покаянием и эгоистический аспект святости. Для русской души – «всемирная отзывчивость. Русская святость всё больше на путях мученичества, аскезы, отшельничества, юродства, чем труженичество постоянно последовательного, целенаправленного, просвечиваемого и освящаемого логосными смыслами. Отсюда прорыв в духовной сфере – литература, искусство, творения народного духа – от идеи крестьянского мира до надежды обретения Царства Божьего, с которым этот мир по замыслу соотносится, здесь и сейчас, деяниями материально-экономических ценностей, ...и конкретных социальных ин-

ституций [там же, с. 604, 606, 722]. Смирение – соответствие идеальной норме. Подлинная высота внизу, в унижении, в смирении, не унижившись, не возвыситься.

С. Аверинцев, анализируя и сравнивая понимание святости в византийской и русской традиции, отмечает и их общность и вместе с тем отличие. Русское понимание святости соответствовало в большей степени «патриархальным устоям жизни», «не транспонировалась в умственную тональность», отличалось «потрясающей обнаженностью и непосредственностью, как, может быть, нигде». В отличие от католицизма пространство света и тьмы не было *опосредовано цивилизацией*.

В католицизме был поставлен вопрос о соотношении «между святостью и социальной цивилизованностью как проблема нравственной теологии» [6, с. 343]. Было выделено индивидуальное пространство, связанное с другими отношениями контракта. В западной теологии закон справедливости является необходимым условием существования социального мира, нижнего этажа и, соответственно, верхнего этажа – «закона любви». Договорные отношения имеют санкцию в Боге, без них невозможно защитить человека от его собственной и чужой греховности. В католицизме вместо дуализма света и тьмы, таким образом, выделяется еще и сфера естественного, тоже находящегося под властью Бога, это – государственная власть. Католическая теология пытается выявить границы этой сферы. Этот средневековый принцип обретения власти по контракту находится в превосходном согласии с доктриной метафизики, что только индивидуум и есть реальная сущность [7, с. 210]. В «Сумме теологии» и комментариях Ф. Аквинского к «Политике» Аристотеля обоснованы базисные принципы схоластической социальной философии, касающиеся вопроса о сущности государства. Государство существует во благо его граждан, а не наоборот. Это касается любого коллективного образования, будь то семья, деревня, королевство, империя и т. д. Ф. Аквинский отмечает, что каждое человеческое существо обладает ценностью, но осознать истинные блага жизни – познание и любовь – он, если будет предоставлен сам себе, не может. И это является причиной существования общества. Для человека жить в любом типе социальности – естественная необходимость. И эта социальность, включая государство, и в этом его высший долг, должна помочь гражданину стать хорошим человеком. Человек осознает свои права, на которые государство не может посягнуть, поскольку их законность вытекает из ценности самой личности. Декларация прав человека в XVIII в. – право на сохранение своей жизни, право вступать в брак и растить детей, право развивать свой интеллект, право на обучение, право на правду, право жить в обществе [там же, с. 190]. С этической точки зрения схоластика оправдывает ценность личности перед государственной властью. С метафизической позиции только человеческая личность является истинной реальной субстанцией. Любое социальное образование, включая государство, не есть реальная сущность, а представляет собой группу человеческих личностей, чья жизнь основывается на участии в деятельности на благо всех.

В отличие от католической теологии русская святость представляла собой антиномию света и тьмы, грозности и кротости, два полюса единой антиномии, лежащей в самих основаниях Святой Руси. Это определяет и русское сознание, и русскую историю. *Ее скрытое воздействие не прекращается и тогда, когда о православной традиции и не вспоминают* [6, с. 348].

Дуальное понимание мира в русской культуре нигде «не ощущается так резко, как в вопросе о власти. Божье и Антихристово подходят вплотную, без всякой буферной территории между ними; всё, что кажется землей и земным, на самом деле Рай, или Ад; и носитель власти стоит точно на границе обоих царств. То есть это не просто значит, что он несет перед Богом особую ответственность, – такая тривиальная истина известна всем. Нет, сама по себе власть, по крайней мере, власть самодержавная, – это нечто, *находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы и не входящее*. Благословение здесь трудно отделить от проклятия. Православная цивилизация всецело на стороне духа. По мнению С. Аверинцева, для русских антиномии, заключенные во власти над людьми, в самом феномене власти, оставались из века в век не столько задачей для рассудка, сколько мучением для совести. Русская монархия вырастает из патриархальных отношений (византийская рассудочность и русская душа (страданиями оправдывается бытие державы (убийство Бориса и Глеба) [8, с. 355, 220].

С падением Византийской империи Московское царство представляло себя наследницей исторической миссии Византии. Эта идея была сформулирована старцем Псковского монастыря Филофеем: «Москва – третий Рим, а четвертому не быть». Русское царство вплоть до второго пришествия Христа будет являться носителем и охранителем вселенского христианства. Это уже – другая историческая форма древнерусского идеала Святой Руси.

Для осмысления эволюции духовно-идеологических основ русской власти обратимся к историческому анализу Московского царства, государства при Петре I, советского государства и современной Российской Федерации.

Формирование русской национальной идеологии начинается с Ивана III. Именно у него мы находим идею панрусизма: «вся русская земля – Киев и Смоленск и иные города – от наших прародителей – наша вотчина...» [9, с. 48]. Идея и практика монаршей власти формируются с правления Ивана Грозного. Он первым венчался на царство, т. е. являлся законным царем, раньше титул царя применялся на Руси по отношению к византийскому императору и к хану Золотой Орды. «Бог – это царь небесный, а царь – земной бог». Иван Грозный отдал предпочтение первому лицу христианской Троицы – Богу-Отцу, Саваофу, Богу грозному и карающему. Саваоф – это неумолимый Закон, и на земле его воплощает государь. Одновременно с Богом образцом для царя мог служить и Михаил Архангел. Это не только московская традиция. Это и традиция вселенская [10, с. 23–26]. По мнению А. М. Панченко, эту доктрину свя-

тости царской власти отвергало русское общественное мнение. Концепции Грозного была противопоставлена народная концепция самозванства. Самозванство – это народная оболочка бунта. Обозначились два типа самозванца – Лжедмитрий и крестьянский царь-батюшка [там же, с. 28–30]. Крушение авторитета светской власти сопровождалось крушением духовной – возникали ереси, хлыстовство и др. [9, с. 61].

Формирующаяся теория самодержавной власти находилась в противоречии с «любосоветным» настроением прежних князей. Бояре требовали права «совета» в государственных делах и фактически выступали за двоевластие. Иван Грозный в переписке с Курбским отмечал причины гибели царств: «Цари были послушны епархам и синклитам <...> По-настоящему земля правится не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами, а Божьим милосердием, всех святых молитвами, родителей наших благословением, а напоследок и нами, государями своими» [там же, с. 73]. Бояре – за двоевластие – царя и избранной рады. Между царем и народом стояли вельможи на кормлении. Необходимо было устранить подозрительных посредников между царем и народом. Иван Грозный первым установил практику непосредственного общения с народом с лобного места. *Действовать мимо них, обратиться прямо к самому народу с лобного места – таков прием Ивана IV* [там же, с. 76].

Ближайшим практическим приложением этой теории и была попытка устранить «вельмож-кормленщиков» от управления, суда и финансовых сборов. Распространение губного самоуправления и введение земского, без сомнения, были вполне сознательными продуктами *этой самодержавно-демократической идеологии*, по определению П. Милюкова [там же, с. 81]. В интересах поместного дворянства были созваны и первые земские соборы, но они решали вопросы «простой экспертизы» (о служебной годности в данный момент). Взяв на защиту интересы одного класса, московское правительство подготовило себе новую оппозицию (крестьяне и холопы). Иван Грозный первый представил демократически-монархическую программу, разумел под своим демократизмом защиту интересов служивого «воинства». Оно получило право свободного распоряжения крепостным трудом и значительную долю участия в выгодах установившегося бюрократического режима.

При Петре I древнерусский идеал Святой Руси трансформируется в идею «светской святости» (особенно насаждается при Николае I; реализуется практика изоляционизма, нашедшая отражение в идеологии «самодержавие, православие, народность»). Идеи «светской святости» вполне естественно для порвавших со «святой Русью» верхов постепенно проникают и в народ. Он определяет и подвергает освидетельствованию претендентов на место на русском Олимпе... Народ отверг «благословенных» «освободителей» в полном согласии с национальной традицией. Народ в эпоху «приостановления» святости остановил свой выбор на поэтах. Их книги, подобно творениям отцов Церкви, не подвержены старению и сохраняют качество учительности спустя десятилетия и столетия. Это чисто русская ситуация, и мы бы добавили, традиция: в нашем ме-

сщеслове предостаточно святых князей, но ни одного (!) святого царя. А нам твердят, что русские – рабы [10, с. 392]. Петр I принял титул «Отец Отечества» в 1721 г.; этот титул мог быть применен только к архирею и прежде всего к патриарху. Петр возглавил церковь и объявил себя патриархом. «Отец Отечества» – идеальный и просвещенный монарх, цивилизатор, опекун национальных усилий и национального творчества (Pater Patriae) [там же, с. 72.]. Понятие «Отечество» имело семейно-родовые коннотации и представляло собой патерналистское сообщество кровнородственных связей, при этом Pater Patriae выступал «хранителем и попечителем России». Просвещение раскололо государство-Отечество на общество, понимаемое как совокупность частных граждан, и государство как механизм законной власти. Отделение государства от личности государя осуществлялось по приказу самодержца, который полностью контролировал это государство [11, с. 30, 37–38]. Самодержавная воля – главная движущая сила Российского государства, и поэтому независимо от того, сколько говорится об общественном благе, к которому вместе должны стремиться государь и народ, идея общего для всех «отечества» насаждается по приказу государя, абсолютного господина в своем владении, поэтому спорить с самодержцем отучились еще при Петре I.

Итак, при Петре были заложены основы так называемой «светской святости». На Западе этого нет. В России ее основание заложил Петр I, не предполагая последствий своей церковной реформы, приведшей к разрыву между светской и духовной культурой [10, с. 393]. В социально-политической практике XVII в. сформировался «строго-бюрократический строй». «Вновь налаженный порядок управления отдавал государство в руки всемогущей бюрократии, над злоупотреблениями которой никакой действительный контроль был невозможен. При Петре I «всё было можно, и ничто не было обязательно, кроме очередного приказа реформатора» [9, с. 172–173]. В промежутке между распадом боярства и господством дворянства, между XVI и XVIII вв., бюрократия являлась единственным правящим классом. Петр I перестал созывать Боярскую Думу, вместо нее образовал Ближнюю канцелярию, назначил туда своих соратников, чью деятельность жестко контролировал. Сформировал фискальные органы, контролирующие работу администрации всех уровней. Мы видели, как дворянство, в самый момент своей победы над боярством и казачеством, добровольно уступило бюрократии правительственную роль и отказалось от постоянного контроля над ней, какой мог дать дворянству земский собор. Народ отвечал на это бунтами (резали воевод, избивали дворян и помещиков). К концу XVII в. русская бюрократия по существу становится кастой и приобретает «олигархический оттенок» (П. Милуков). Петровская реформа, при всех издержках, которые накладывали на нее характер эпохи и личность царя, решила национальные задачи, создав государственность, обеспечивающую России двухсотлетнее существование в ряду главных европейских держав, и создав одну из самых ярких культур в истории человеческой цивилизации. Государственная служба приобретала для Петра почти религиоз-

ное значение грандиозной, непрерывной литургии в храме Государства. Работа была его молитвой. Именно через службу он осознавал себя частью сословия [12, с. 19–21]. Табель о рангах (1722) воплощал принцип регулярности и служил своеобразным социальным лифтом. Власть, подмяв церковь, не оставила основания для сдерживающего фактора. Кроме того, Петр I от своих предшественников «унаследовал два вредных политических предрассудка – веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощимость народных сил и народного терпения» [13, с. 330].

Государство в советский период. В. П. Булдаков [14, с. 53] отмечает о разрыве с прошлым в 1917 г. Сейчас с этим трудно согласиться. Во всяком случае, в сохранении природы и особенностей русской власти. Исторический материал и работы исследователей доказывают обратное.

О. В. Хархордин, на наш взгляд, правильно подчеркивает основную тенденцию в русской христианской традиции. Идеал Святой Руси был основан на попытке вытеснить и устранить государство совсем. Радикально отменить зло (государство) через обожение человека и переустройство земной жизни на церковных началах (Достоевский, Франк). Церковное воздействие сводилось к «обличить, увещать и отлучить». Проект Достоевского реализовала революция 1917 г. [11, с. 91–92, 94]. Атеистический фасад, по Бердяеву, прикрывал фундаментальный механизм религиозной диктатуры. Революцию 1917 г. можно сравнить с пуританской реформацией в Англии (революция праведников). Святое царство, или республика праведников, было установлено в СССР после 1970 г. Советская Россия возродила традиционные ценности дореволюционной России (положительная роль брака, дореволюционная система образования с классами и оценками и т. п.) Трансформация радикальной диктатуры немногих праведников в святое царство, открытое для всех (своеобразная большевистская реформация) [11, с. 119, 147]. Большевизм в большей степени соответствовал русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. Деятельность Ленина соответствовала двум традициям русской культуры – традиции русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и традиции русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях. Большевики – третье явление русской великодержавности. Первое – московское царство, второе – петровская империя, третья – большевизм, который выступал за сильное централизованное государство. Большевики создали государство, «по способам управления очень похожее на старое русское государство. Священное царство (коммунизм) имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. Власть третьего Рима напоминает 3-й Интернационал, на которого перенесли черты третьего Рима» [15, с. 93, 99, 117–118]. В. П. Булдаков отмечает трансформацию революционной ритуалистики: демонстрации всё более походили на крестные ходы, всё большее распространение получали всевозможные «красные крестины» [16, с. 192]. Декрет от 10 августа 1922 г. предусматривал при-

нятие административной ссылки в качестве меры пресечения, давал право органам безопасности по своему усмотрению высылать за границу или определенные местности Российской республики на срок до трех лет лиц, причастных к революционной деятельности. Это было возрождение знакомой царской практики. Ленин был сослан в Сибирь на такой же срок и точно таким же образом, как была сослана в 1922 г. интеллигентская элита [17, с. 403, 404]. Коммунизм выполнял функции института религии. Существовал суррогат культа со своим собственным божеством, святыми и ритуалами. Более того, принципы церковного права были воплощены в деятельности ЦКК – не наказывать, убеждать и увещевать перед тем, как прибегнуть к угрозе отлучения. Тройная логика церковного суда отмечается в нормативных практиках контрольной комиссии РКП (б) и православных церквях [18, с. 38–39, 42].

Современное государство (Российская Федерация). Был введен пост президента, деликатно умалчивалось, что институт президентства преобладает в слаборазвитых странах, африканских государствах и странах Латинской Америки [19, с. 397]. В этих странах президент – диктатор. В современной России сложилась президентская система, где президент стоит над разделением властей. Современная власть в России, как отмечают исследователи, воспроизводит основные черты русской власти как таковой: рост силовых структур, введение института представителей президента, клановость, фаворитизм, декоративный характер исполнительных органов, возврат к царской атрибутике и т. п. [20]. В итоге, формирование сословно-кланового общества с очень слабыми социальными лифтами при имитационно-правовом и имитационно-демократическом государстве [21, с. 19, 459]. В современной России произошла «имитация чужих и чуждых культурных форм», «маскарад модернизации» [14, с. 83].

Какой же можно сделать вывод? По своей культурологической природе русская власть во все времена, от царя, генсека до президента, остается «отеческой» (А. Панченко), персонифицированной. Духовно-идеологическим основанием русской власти выступает, по П. Милюкову, самодержавно-демократическая, мы бы обозначили как самодержавно-либеральная идеология. Самодержавно-демократическая власть, как ни звучит парадоксально само название, подчеркивает существование в русской истории демократических институтов – вече, являющееся верховным органом власти городов-государств на Руси XI–XIII вв.; Боярской Думы, занимающейся правотворчеством и решением внешнеполитических вопросов (трансформировалась в Сенат, просуществовала до конца XVII в.). И, наконец, Земский собор, выступающий институтом представительной власти. В него входили представители всех основных сословий. Его прерогативы включали выборы царя, решение вопросов внешнеполитического характера, определение налоговой политики, внутреннего мира и порядка. Участие в работе Земского собора было сродни служению, а не привилегией [22]. Идеи либерализма всегда исходили сверху, от власти. В памфлете Пересветова отмечается значимость демократической монархии, выступающей защитницей

«автономии личности» от покушения правящего сословия на ее свободу. Но, не разделяя интересов «воинство» и «мирских людей», правительство свело демократическую программу к совершенно иной задаче – для ее осуществления понадобилась опричнина и крепостное право [9, с. 85, 373]. Только в период Александра II, начиная с Екатерины II становится возможным уравнение гражданских прав и обязанностей разных классов и установление одинакового для всех права и равного для всех суда. В. О. Ключевский определял русскую власть по составу как «ограниченно-самодержавную». Самодержавная власть в России действительно себя ограничивала и в этом отношении имела разные виды легитимации: сакральную (от Бога), «демократическую» (Романовы избраны на царство Земским Собором 1613 г.), исторически-преемственную (правили страной более 300 лет) и формально-юридическую (закон о престолонаследии Павла I [23, с. 181]. Основные законы 1906 г. закрепляют все эти виды легитимности и в Конституции и образуют еще один вид легитимности – конституционно-правовой. В советское время ограничителем власти выступала марксистско-ленинская идеология. В современной России вроде бы нет государственной идеологии, но, исходя из неизменной природы русской власти, идеология всё же отчетливо просматривается – мессианское предназначение России (борьба с мировым злом – терроризм) и для внутреннего пользования – как всегда, идеи либерализма сочетаются с идеологией славянофильства – самодержавие, православие, народность [24].

В начале статьи мы отметили особенности духовного основания русской культуры, которые привели к формированию особого типа русской власти, – слабая связь между этносом и государством. Это приводило как бы к параллельному существованию мира власти и мира народа. Мысль о народе не соединялась с мыслью о государстве. Государя без народа можно было себе представить [13, с. 15, 48]. Только большевики превратили государство в часть повседневной жизни каждого гражданина. До этого для крестьян царь – идеальная фигура, воплощающая в себе божественную справедливость, а государственные чиновники рассматривались как частные лица, злоупотребление которых может быть преодолено царем. Чиновники – личные слуги царя, извращающие его справедливые наказания [11, с. 45]. Параллельное существование власти и народа приводило к навязыванию реформ сверху. Мнением народа никто не интересовался (пример – судьба всенародного референдума о сохранении СССР). И в этом же русле современные реформы в сфере образования, медицины, пенсионная реформа и т. д. Кто-нибудь объяснил их необходимость? Бесконечный зуд реформаторства приучает народ стойко терпеть все эксперименты власти, чтобы выжить. И это вполне в русской традиции. «Жить по-евангельски» оказывалось очень выгодно: люби вышестоящего; услужливость; сервильность; чтобы не били, не унижали; так сказать, упредить. Заповедь евангельской нищеты превращается в «ловкий практический совет» – довольствуйся, что есть, и вспоминай о бедных. В этой покладистой морали мало «византийского»,

это «национальный продукт национальных условий существования – сохранить душевное равновесие» и выжить [9, с. 243].

И вторая – «неопосредованность цивилизацией» – приводила к слабой правовой легитимации русской власти. Отечественная форма власти, отчетливо проявляющаяся в настоящий момент времени, делает современное законодотворчество «похожим на детские игры» (А. Панченко). Н. А. Бердяев говорил о России как самой безгосударственной и анархистской стране, в которой сама православная идеология самодержавия – «такое же явление безгосударственного духа» [5, с. 10]. В этом отношении предстоит огромная работа по созданию правового государства, в котором бы существовал приоритет общественного блага.

Литература

1. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Независимая газета, 1993. – 424 с.
2. *Хоружий С. С.* Духовные основы русского старчества / С. С. Хоружий. – Режим доступа: <http://www.laleluia.rulibrary/reklama2.html>
3. *Аверинцев С. С.* Византия и Русь : два типа духовности / С. С. Аверинцев // Новый мир. – 1988. – № 7. – С. 210–221.
4. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – М. : Гнозис, 1995. – Т. 1. – 875 с.
5. *Бердяев Н. А.* Судьба России. Самопознание / Н. А. Бердяев. – Ростов н/Д. : Феникс, 1997. – 544 с.
6. *Аверинцев С. С.* Другой Рим / С. С. Аверинцев. – СПб. : АМФОРА, 2005. – 366 с.
7. *Вульф М. де.* Средневековая философия и цивилизация / М. де Вульф. – М. : Центрполиграф, 2014. – 253 с.
8. *Панченко А. М.* О специфике славянской цивилизации / А. М. Панченко // Знамя. – 1992. – № 9. – С. 200–208.
9. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милюков. – М. : РОССПЭН, 2010. – Т. 2. – 600 с.
10. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре / А. М. Панченко. – СПб. : Азбука, 2000. – 464 с.
11. *Хархордин О. В.* Основные понятия российской политики / О. В. Хархордин. – М. : Новое лит. обозрение, 2011. – 328 с.
12. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1994. – 396 с.
13. *Ключевский В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский // Соч. : в 9 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 4. – 398 с.
14. *Булдаков В. П.* Quo vadis? Кризисы в России : пути переосмысления / В. П. Булдаков. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – 294 с.
15. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
16. *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 2012. – 759 с.
17. *Пайпс Р.* Россия при большевиках / Р. Пайпс. – М. : РОССПЭН, 1997. – 662 с.

18. Хархордин О. В. «Обличать и лицемерить» / О. В. Хархордин. – СПб. : Летний сад, 2002. – 511 с.
19. Восленский М. С. Номенклатура / М. С. Восленский. – Л., 1990. – 664 с.
20. Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении / Ю. С. Пивоваров. – М. : РОССПЭН, 2006. – 168 с.
21. Ахиезер А. История России : конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – М., 2013. – 496 с.
22. Костомаров Н. Н. Русская республика (Северорусские народоправства во время удельно-вечевоего уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки) / Н. Н. Костомаров. – М. : Чарли ; Смоленск : Смядынь, 1994. – 544 с.
23. Пивоваров Ю. С. Русское настоящее и советское прошлое / Ю. С. Пивоваров. – М. ; СПб. : Университет. книга, 2014. – 336 с.
24. Первушина В. Н. Идеология в современной России / В. Н. Первушина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2015. – № 2. – С. 132–139.

Государственный университет правосудия, Центральный филиал

Первушина В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 249-00-56

Савушкин Л. М., доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Тел.: 8-951-560-32-91

Воронежский государственный технический университет

Хуторной С. Н., кандидат философских наук, преподаватель факультета среднего профессионального обучения

E-mail: thut1960@mail.ru

Тел.: 8(473) 277-42-12

State University of Justice, Central Branch

Pervushina V. N., (D Sc) in Philosophy, Full Professor of the Humanities and Social-Economical Disciplines Department

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 249-00-56

Savushkin L. M., (D Sc) in History, Full Professor of the Humanities and Social-Economical Disciplines Department

Tel.: 8-951-560-32-91

Voronezh State Technical University

Khutornoy S. N., Candidate of Philosophical Sciences, Teacher of the Secondary Vocational Education Faculty

E-mail: thut1960@mail.ru

Tel.: 8(473) 277-42-12